

10.8.2000
Малахов Андрей

Телеведущий «Доброго утра» и «Доброго дня» на ОРТ Андрей Малахов, несмотря на свою сравнительную молодость, снискал себе в останкинских чертогах неувядаемую славу Суслова — того самого вечного члена политбюро, сумевшего уцелеть при всех режимах. Под режимами в данном контексте следует понимать постоянную череду отставок-увольнений останкинских начальников, которые в свою очередь умудрились вычистить из «Утра» даже таких суперзвезд, как Инна Ермилова и Татьяна Веденеева. Малахову мало того, что удалось выжить и уцелеть, но и получить от ОРТ кредит на первую в своей жизни московскую квартиру. А она у него, на минуточку, с видом на Китай-город и Кремль. И еще на днях исполняется ровно пять лет, как он ведет программы главного канала страны.

Медицинский полис не дают по сей день

— Мы, тебя, конечно, поздравляем. Но сегодня тебе не уйти от ответа: как ты не только просуществовал в столь непростом месте целую пятилетку, но еще и возвысился?

— Телевидению нужны как раз не звезды, а рабочие лошади. Которые тянут воз, не хватают с неба звезд и не претендуют на особую свою исключительность. Здесь конвейер, на котором некогда разбираться с амбициями каждого отдельного винтика, его просто меняют на новый.

— А ты почти десять лет просидел бессловесным таким винтиком, никогда ничего не требуя и даже не прося?

— Почему же? Только не требовал, а просил. Например, небольшой кредит на квартиру: я же не москвич, жить было нигде, а тут еще в столице начались лужковские заморочки с прописками и ре-

был у всех бельмом на глазу. Дали, может, еще массу людей, но они умеют все очень хорошо завуалировать и скрыть.

Грува ко мне пристегнулся, чтоб натаскал его по математике

— А ты, значит, скрывать ничего не умеешь?

— Именно. Сам посудите: к телевидению меня потянуло классе в первом — нравилось любоваться дикторшами. Я был просто влюблен в Ларису Вербицкую, обожаю Ангелину Вовк и Татьяну Веденееву, восхищался очками Светланы Моргуновой и Анны Шатиловой, так как сам всю жизнь был очкариком. И все-все, кто со мной работал, об этом знают.

— Ну хорошо. А что ты тогда, помимо восхищения дикторшами, делал-то?

— Как всякий сознательный пи-

«Утюг — главное оружие стильного телеведущего!»

Андрей Малахов:

«САМИ МЫ НЕ МЕСТНЫЕ»

Бригадир Малахов и его любимая телебригада «имени себя»

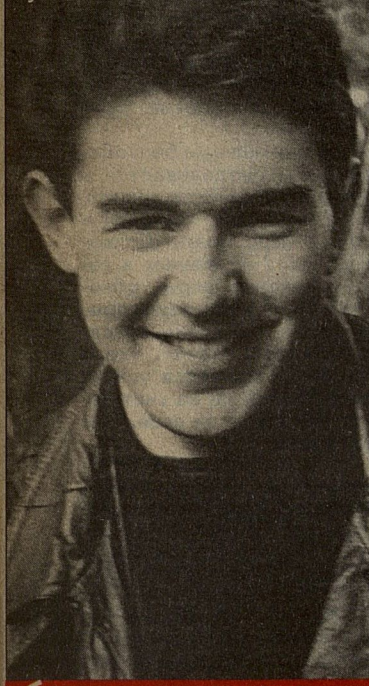
фото из личного архива А. Малахова

нравилась: «Обязательно приходите к нам еще!» Я, вздохнув, отправился наконец на летние каникулы. А в августе случился путч. Сменилось все останкинское руководство. В начале сентября звонок: «Что же вы, Андрей? Обещали приходиться к нам в программу «Утро», переводить новости CNN, а сами пропали!» Так что пришлось держать слово — по ночам. Те новости CNN утром всем известная красавица всеосозного масштаба Ира Зайцева (ныне ведущая программы «Герой дня без галстука») зачитывала в прямом эфире. Уже тогда она говорила своим томным голосом: «А сейчас новости телекомпании CNN» (сейчас она точно так же произносит «эн-тэ-вэ-э-э»). Тогда я узнал про нее, что она раньше танцевала в ансамбле «Березка», сама водит машину и живет с сыном одна. До сих пор помню, что в чашку ей надо класть две ложки кофе и два куса сахара.

— Помню, как останкинские скабрзники любили подшучивать над восемнадцатилетним Малаховым с румянцем во всю щеку: «Ты, Малахов небось и оргазмы-то свои первые получил, подглядывая, как Ира Зайцева подтягивает колготки перед эфиром...»

— Это еще что! Они любили еще демонстрировать мне ночную сорочку Тани Веденеевой, зная, что я влюблен в нее с детства до потери пульса. Как я мечтал тогда работать с ней в одной бригаде! Но с Зайцевой тоже было классно. Откуда взялась сорочка Веденеевой? А мы ведь все тогда ночевали в «Останкино» на раскладушке, и каждый имел какое-то свое постельное белье: эфир начинался с полуночи, кто ж домой спать на дватри часа поедет? Я, например, зачастую, чтобы не ехать на другой конец Москвы в общежитие, просто укладывался на кожаных диванах, что в холле у лифтов. Правда, находилась у нас одна звезда, которая говорила: «Я лучше час проведу в своей кровати, чем три —

«Зачем тебе, мальчик, чужая Москва?»

блиц-анкета

Достоинство — преданность
Недостаток — то же, что и достоинство
Самая большая удача в жизни — мои родители
Самое большое разочарование — в любви
Жизненный девиз — «На все воля Божья»
Любимое блюдо — суши
Любимый напиток — шампанское
Любимый кинофильм — как у всех приезжих: «Москва слезам не верит»

на останкинской раскладушке!» Это была именно Ира Зайцева.

Когда вернулся из Штатов, смотрели, как на дурака

— В общем, все шло прекрасно, пока...

— Пока в МГУ не решили отказать всем претендентам на красный диплом (а я к таковым вроде бы тоже относился) на годичную стажировку в Америку. В мою комнату в общежитии заехала студентка Мичиганского университета, я же перебрался в ее келью в Детройте.

— Говорят, платили вам в качестве стипендии сущие гроши, на которые и жить-то в Штатах просто невозможно!

— Давали двести долларов. Плюс бесплатные общежитие и завтрак, довольно приличный. Прямо как в пятизвездочном отеле: наесться можно было на целый день да еще пару яблок или бананов с собой прихватить. Но начинались летние каникулы — негде стало жить: общежитие надо было либо освободить, либо платить за него по американским меркам. Двухсот баксов не хватало. Комнату в том маленьком городке стоило снять 150 долларов, а общага получалась еще дороже. Декан факультета журналистики, узнав, что я получаю так мало, сжалился и разрешил пожить в собственном коттедже — он все равно уезжал на время каникул отдыхать с женой в Майами. В мои обязанности входило только кормить кошку и поливать цветы. Времени у меня было до фига, и я устроился в местную гостиницу — три раза в неделю по семь часов продавал газеты. Платили пять долларов в час — я уже был богатым человеком! Декан по возвращении через месяц был обрадован, что сад цветет и благоухает, газон подстрижен и кошка, слава Богу, жива. А в июле меня направили на местное телевидение Детройта, которое являлось подразделением знаме-

нитой «Парамаунт Пикчерз». Там за две недели заплатили шестисот долларов, так что я мог снимать в Детройте квартиру... Оглядываясь назад, вспоминаю времена своего американского студенчества так, будто жил в санатории ЦК КПСС «Снегири».

— И все же, как ни хорошо тебе было в Америке, через год пришлось возвращаться.

— Когда я появился в «Останкино», на меня там посмотрели, как на дурака. «Ты что, вернулся?!» Не ожидая меня обратно, они взяли на мое место другого человека. Но собираясь в Америку, я оказался чересчур унылым и оформил это дело как академический отпуск. Так что взять меня обратно в штат в «Останкино» были просто обязаны.

Работа на ТВ дает только разочарование в людях как в классе

— Расскажи лучше, как ты в столь нежном возрасте в ведущие трехчасовой программы Центрального телевидения попал. Неужели «страна доверила»!

— Начались летние отпуска, и не оказалось ведущего на субботу. Начальство и говорит: «Давайте поставим Малахова на один раз». Ну, поставили. Удовлетворенные результатом, оставили еще на две недели. Потом еще. Так я ведущим и остался.

— Как подобные «кадровые выкрутасы» восприняли твои более старшие коллеги, которые годами дожидаются эфира, тем более такого «козырного»!

— Я отвечаю косвенно. Недавно был на кинофестивале в Питере, и мы сидели в ресторане за одним столиком с директором французской синематеки и его женой, известным во Франции адвокатом. Так вот, она наклоняется ко мне и спрашивает: «Сколько вам лет?» — «Двадцать восемь». И произносит

Звезда Лариса Голубкина — всегда прима традиционных малаховских маскарадов

гистрациями. В «Останкино» без московской прописки работать нельзя, о чем мне деликатно напомнили кадровики. «Ну, что ж, выгоняйте», — сказал руководству (а в те времена я уже был ведущим программы «Утро»). Начальство решило, что лучше, наверное, дать Малахову кредит на жилье, чем брать на его место кого попало, но с пропиской. Я, кстати, по сей день не имею медицинского страхового полиса. Говорят: был прописан в Апатитах — там и получай! А в Апатитах отвечают: ты ж москвич — вот там свой полис и ищи.

— Как же ты в таком случае лечишься?

— А никак. Стараясь не болеть. Как в той песне: «Если я заболел, к врачам обращаться не стану!» А вообще-то меня, слава Богу, выручает «главный врач ОРТ» и по совместительству ведущая программы «Здоровье» Лена Малышева. Пока она — мой личный доктор.

— Некоторые твои коллеги на ОРТ, хоть москвичи и прекрасно устроены, любят позубоскалить на тему, что квартиру купили почему-то тебе одному...

— Глупости! Просто я со своими скитаниями по съемным хаткам

онер (а я был целый председатель совета дружины), добросовестно прослушав «Пионерскую зорьку», топал в общеобразовательную школу, а после обеда — в музыкальную. На пару с мальчиком, который известен сегодня всей стране как ди-джей Грув. Правда, звали его в те времена Женя Рудин. И самая его большая проблема тогда была — математика. А наша учителька считала, что если мы друг другу будем после уроков объяснять пройденный материал, то он будет лучше усвоен. И поручила мне «взять его на буксир». Так сдружился, что никакой математики, конечно, не повторяли.

— Вот уж чего за тобой никогда не замечал, так это музыкальных талантов. Может, просто случай не представлялся?

— Самое смешное, что этих талантов не замечал за собой и я, хотя окончил восьмилетку по классу скрипки.

— И что, можешь взять и сыграть что-нибудь с ходу?

— Ну, какого-нибудь «Сурка» Бетховена, может, и смогу. Да я сразу понял, что Ойстрахом не быть — отбывал повинность спустя рукава. На родительских собраниях

В «Останкино» мне любили показывать ночную сорочку Тани Веденеевой

— Представляю, что с тобой случилось, когда, учась на первом курсе, попал в такую программу, как «Время». Да, кстати, а что ты там вообще мог делать, кроме как носить бумажки, отвечать на телефонные звонки и, как проявление высшего пилотажа, бегать начальству за водкой?

— Мне в те времена столь «почетных» миссий не доверяли — было много других желающих. Так, бумажки отнести, телефонную

трубку поднять. Я ведь сразу понял, что никому в «Останкино» не нужен — все заняты своим делом. Наблюдать только исподтишка, что за нравы царят, мелочи всякие подмечал. Ну, например, что Ира Мишина пьет кофе только с молоком, а Анна Шатилова раньше двенадцати на работе не появляется. И при всем при этом осмысливал свою ничтожность, бессмысленность и ненужность в этом учреждении, гремевшем на всю страну.

— Но все же каким-то странным образом ты в коридорах этого учреждения уже не просто прижился, а прямо-таки прописался.

— Это дело чистого случая. В последний день моей практики, когда я уже сам на себя написал характеристику и подписал ее у руководства, к нам в комнату влетела взмыленная женщина и буквально взмолилась: «Кто знает английский? У нас заболел переводчик и некому перевести новости CNN к утреннему выпуску! Кто спасет?» Никому неохота было оставлять на ночь, но во мне совесть зыграла. Тем более что переводить эти новости с английского довольно просто — семь пядей во лбу иметь не надо. Ей же моя работа очень по-

ведущего!»

Андрей Малахов:

АМИ МЫ МЕСТНЫЕ...

убку поднять. Я ведь сразу понял, о ком-то в «Останкино» не нужен, все заняты своим делом. Наблюдал только исподтишка, что за нра-дятся, мелочи всякие подмечал. И, например, что Ира Мишина пьет кофе только с молоком, а Анна Матилева раньше двенадцати на работе не появляется. И при всем этом осмысливал свою никчемность, бессмысленность и ненужность в этом учреждении, гремевшем на всю страну.

— Но все же каким-то стран-ным образом ты в коридорах это-го учреждения уже не просто при-пился, а прямо-таки прописался.

— Это дело чистого случая. В последний день моей практики, когда я уже сам на себя написал ха-рактеристику и подписал ее у руко-водства, к нам в комнату влетела смелая женщина и буквально за-молчала: «Кто знает английский? Я нас заболел переводчик и неко-му перевести новости CNN к утре-нему выпуску! Кто спасет?» Нико-му неохота было оставаться на-учь, но во мне совесть взвыла. Я более чем переводить эти но-сти с английского довольно про-сто — семь пядей во лбу иметь не-адо. Ей же моя работа очень по-

нравилась: «Обязательно приходи-те к нам еще!» Я, вздохнув, отпра-вился наконец на летние каникулы. А в августе случился путч. Смени-лось все останкинское руковод-ство. В начале сентября звонок: «Что же вы, Андрей? Обещали при-ходить к нам в программу «Утро», переводить новости CNN, а сами пропали?» Так что пришлось дер-жать слово — по ночам. Те ново-сти CNN утром всем известная кра-савица всеюсоюзного масштаба Ира Зайцева (ныне ведущая программы «Герой дня без галстука») зачитыва-ла в прямом эфире. Уже тогда она говорила своим томным голо-сом: «А сейчас новости телеком-пании CNN» (сейчас она точно так же произносит «эн-тэ-вэээ»). Тогда я узнал про нее, что она раньше танцевала в ансамбле «Березка», сама водит машину и живет с сы-ном одна. До сих пор помню, что в чашку ей надо класть две ложки кофе и два куса сахара.

— Помню, как останкинские скабрезники любили подшучивать над восемнадцатилетним Малахо-вым с румянцем во всю щеку: «Ты, Малахов небось и оргазмы-то свои первые получил, подглядывая, как Ира Зайцева подтягивает колготки перед эфиром...»

— Это еще что! Они любили еще демонстрировать мне ночную сорочку Тани Веденеевой, зная, что я влюблен в нее с детства до поте-ри пульса. Как я мечтал тогда ра-ботать с ней в одной бригаде! Но с Зайцевой тоже было класно. От-куда взялась сорочка Веденеевой? А мы ведь все тогда ночевали в «Останкино» на раскладушках, и каждый имел какое-то свое по-стельное белье: эфир начинался с полуночи, кто ж домой спать на два-три часа поедет? Я, например, за-частую, чтобы не ехать на другой конец Москвы в общежитие, про-сто укладывался на кожаных дива-нах, что в холле у лифтов. Правда, находилась у нас одна звезда, ко-торая говорила: «Я лучше как про-веду в своей кровати, чем три —

блиц-анкета

Достоинство — преданность
Недостаток — то же,
что и достоинство
Самая большая удача
в жизни — мои родители
Самое большое
разочарование — в любви
Жизненный девиз —
«На все воля Божья»
Любимое блюдо — суши
Любимый напиток —
шампанское
Любимый кинофильм —
как у всех приезжих:
«Москва слезам не верит»

на останкинской раскладушке!» Это была именно Ира Зайцева.

Когда вернулся из Штатов, смотрели, как на дурака

— В общем, все шло прекрас-но, пока...

— Пока в МГУ не решили от-править всех претендентов на крас-ный диплом (а я к таковым вроде бы тоже относился) на годичную стажировку в Америку. В мою ком-нату в общежитии заехала студент-ка Мичиганского университета, я же перебрался в ее келью в Дет-ройте.

— Говорят, платили вам в ка-честве стипендии сущие гроши, на которые и жить-то в Штатах про-сто невозможно!

— Давали двести долларов. Плюс бесплатные общежитие и завтрак, довольно приличный. Пря-мо как в пятизвездочном отеле: наестся можно было на целый день да еще пару яблок или бана-нов с собой прихватить. Но начи-нались летние каникулы — негде стало жить: общежитие надо было либо освободить, либо платить за него по американским меркам. Двухсот баксов не хватало. Ком-нату в том маленьком городке сто-ило снять 150 долларов, а общага получалась еще дороже. Декан факультета журналистики, узнав, что я получаю так мало, сжалился и разрешил пожить в собственном коттедже — он все равно уезжал на время каникул отдыхать с же-ной в Майами. В мои обязанности входило только кормить кошку и поливать цветы. Времени у меня было до фига, и я устроился в ме-стную гостиницу — три раза в не-делю по семь часов продавал га-зеты. Платили пять долларов в час — я уже был богатым человеком! Декан по возвращении через меся-ца был обрадован, что сад цвет-ет и благоухает, газон подстри-жен и кошка, слава Богу, жива. А в июле меня направили на местного телевидение Детройта, которое являлось подразделением знаме-

следующую фразу: «Никогда не встречала молодого человека, ко-торому так скучно с людьми!» Ох, как она права. Это мое состояние на сегодняшний день, которое я не хочу даже скрывать. Пусть в ущерб собственному имиджу. Все, что дает работа на телевидении — пол-ное разочарование в людях как в классе.

Я, конечно, стараюсь вести себя с гостями, которые приходят в студию, предельно корректно, демонстрируя неподдельный к ним интерес. Но после общения с теми, в кого ты был влюблен с детства и кому мечтал подражать, вдруг по-нимаешь, что большинство из них — довольно скучные и неинтерес-ные люди, непонятно по какой ка-тегории выбранные в звезды и зна-менитости. Многие из них совер-шенно неспособны сохранить свой былой шарм. В лучшем случае мо-гут представлять интерес, когда по-пятнадцать лет не дают интервью, создавая тем самым вокруг себя некий ореол таинственности.

Ну тянет меня к шведской подруге Лизе, тянет

— Сколько на твоём веку сме-нилось начальников, от которых за-висит, быть тебе в эфире или нет!

— Думаю, их было куда боль-ше, чем мужей у Элизабет Тейлор.

— Помнится, когда «Утро» прибрал к рукам Лисовский и поса-дил туда руководителя своего че-ловека Диму Диброва, тот первым де-лом уволил всех ведущих...

— Дело было под Новый год, я традиционно уехал в гости к ро-дителям в Мурманскую область. А вот всем остальным позвонили 31 декабря в десять вечера и поздра-вали, сказав, что они больше на ОРТ не работают. Логика была следующей: пусть все плохое ос-танется в старом году, в том числе и плохое «Утро» с соответствую-щими ему ведущими. Но за неде-лю праздников никого достойного, кроме самого Диброва, не на-шлось, и нас с Ларисой Вербицкой

мнения коллег

«он мог бы стать хорошим телеведущим, но не стал»

Екатерина Андреева, ОРТ:

— Андрей профессионально работает. Во многом ему помо-гла многолетняя стажировка в Ми-чигане. Видна западная, простая манера общения, которая, правда, не всегда соответствует привыч-ным требованиям ведения отече-ственного прямого эфира.

Светлана Родина, РТР:

— Малахов относится к той категории ведущих, которые, за-нимаясь самолюбованием, все-таки не бросают собеседника. Он умеет создать видимость заинте-ресованности, когда таковой вооб-ще нет. Думаю, его не стоит в этом обвинять, ведь такую задачу перед ним ставят продюсеры — развлечь ранним утром зрителей и поднять им настроение. Благода-ря природной эмоциональности Андрей может запросто сыграть все что угодно.

Матвей Ганапольский, АТВ:

— Малахов — динамичный ведущий: в течение, скажем, двух минут, когда между сюжетами идет прямой эфир, он вполне мо-жет наговорить немало ладного и путного. Излишняя суетливость, ко-торую ему обычно ставят в вину, — это его «визитная карточка», от которой он вряд ли когда избавит-ся. Андрей не может не ошибать-ся, поскольку от него хотят невоз-можного — чтобы он был одно-временно и блондином, и брюне-том, и голубоглазым, и карегла-зым. Говорит темпераментно, бодро и в то же время медленно и понятно. Таким может быть толь-ко ангел. А Малахов им не являет-ся.

Андрей Разбаш, генпродюсер телекомпании «ВИД»:

— Телевидение сразу выявля-ет все человеческие качества. И увеличивает их, как лупа. У Ан-дрея были все возможности стать хорошим телеведущим, но он их бездарно упустил. Начиная, меж-

Десять лет работы в террариуме — ОРТ

ду прочим, гораздо сильнее. А сейчас появилась какая-то лег-кость, поверхностность. Когда я смотрю на него, экранного, чув-ственную фальшивость, механич-ность темпа программы. Кажет-ся, вокруг него нет никого, кто бы мог указать на ошибки... друзья или хорошие коллеги... Чтобы быть интересным, надо иметь свою тему и команду. Короче, надо сделать то, что сотворил, скажем, Дима Дибров на НТВ, но это Андрею пока не удастся, и он в последнее время стремитель-но теряет в плане опыта и про-фессионализма. К тому же Ма-лахову не хватает сознательной работы над собой. Он застыл в развитии. Зациклился на одном эмоциональном состоянии радо-стной эйфории, хотя было бы луч-ше, если бы он попробовал по-ставить перед собой хотя бы эле-ментарные актерские задачи. Он хочет прослыть эдаким вечно ве-селым, жизнерадостным парень-ком, но этот громоздкий имидж, по-моему, его самого утомляет.

Антон Комолов, МТВ:

— Малахов, наверное, про-фессионален. Но лишь в глазах той аудитории, на которую рас-считано ОРТ. Еще, пожалуй, тех, кто его делает. Похоже, только этим людям он и нравится.

Та самая Лиза из Стокгольма

вернули на побудку всего советс-кого народа.

— А я слышал другую вер-сию: за тебя вступился сам Эрнст. Что у вас там за отношения такие, о которых чешут языки озабочен-ные останкинские дамочки!

— В останкинских чертогах так много зависти и грусти... А эти все пустопорожние разговоры о том, что-де Эрнст мне покрови-тельствовет, привели к тому, что те-перь все летучки начинают с раз-бора полетов Малахова. Как гова-ривал классик, «минуи нас пуше всех печалей и барский гнев, и бар-ская любовь»...

— В новогоднюю ночь-2000 ты выходил в эфир не с кем-нибудь, а с самой Татьяной Веденеевой, ко-торая уже лет восемь проживает с богатым мужем в европах.

— Таня живет с мужем на Ла-зурном берегу Франции, собира-ется заниматься в России бизнесом — делать и продавать соусы. На те-левидение, по крайней мере, воз-вращаться не собирается: с ее слов я понял, пока не видит ни одного проекта, в котором хотелось бы принять участие. Она вообще все время что-то меняет в своей жиз-ни — сначала была актрисой, по-том диктором, телеведущей, а за границей — поначалу домохозяй-кой, потом пробовала себя как ди-зайнер квартирных интерьеров. Мне ее с большим трудом удалось уговорить принять участие в выпус-ке «Утра», хотя Тане сейчас все это не слишком-то надо, она важная дама, ходит с телохранителем, имеет у себя на Лазурном берегу таких соседей, как Татьяна Дьяче-нко и Борис Березовский.

— Скажи, а ты по-прежнему, как только выдается свободная ко-пейка и пара дней времени, курси-руешь в Стокгольме?

— Ну тянет меня туда, к моей шведской подруге Лизе, это-то ты можешь понять? Хотя я все прохо-дит, и это тоже. И все, увы, надое-дает...

Андрей ДОМНИЧ.